

Славяноведение, 2023, № 2, с. 5–18

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 2, pp. 5–18

DOI: 10.31857/S0869544X0025348-5

Оригинальная статья / Original Article

К 100-летию академика Никиты Ильича Толстого (15.04.1923–27.06.1996)

Памяти Учителя

© 2023 г. И.А. Сedaкова, М.В. Валенцова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ised@mail.ru
mvalent@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена столетию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996), сыгравшего важную роль в деле становления и развития славистики в СССР и России. Авторы статьи, ученицы и коллеги Н.И. Толстого, предлагают два небольших очерка, в которых раскрывают актуальность идей своего учителя и их место в современных славистических изысканиях.

В первой части публикации перечисляются основные области научных интересов Н.И. Толстого и говорится о важности создания новой дисциплины — славянской этнолингвистики. Основное внимание автор сосредоточивает на деятельности ученого в области болгаристики, которая в послевоенные годы XX в. переживает в СССР и в Болгарии «серебряный век». Отмечается любовь ученого к живым фактам языка и культуры, кратко перечисляются фундаментальные положения, разработанные Н.И. Толстым в диалектологии и лексикологии болгарского языка.

Вторая часть юбилейной публикации посвящена ареалогии и лингвистической географии. Показана важность теоретических и практических разработок Н.И. Толстого, в частности применение метода проведения изоглосс и изодокс для исследования и анализа славянских культурных традиций и их словаря; характеризуется ряд работ ученого, демонстрирующих плодотворность ареального подхода к изучению явлений традиционной культуры. Остановившись на трудах коллег, продолжающих намеченное Н.И. Толстым направление, автор предлагает также некоторые собственные наблюдения в области лексических, ономастических и мифологических параллелей между славянскими традициями.

Ключевые слова: славянские языки, Никита Ильич Толстой, этнолингвистика, болгаристика, ареалогия, изоглоссы, изопрагмы, архаические ареалы.

Ссылка для цитирования: Сedaкова И.А., Валенцова М.М. Памяти Учителя // *Славяноведение*. 2023. № 2. С. 5–18. DOI: 10.31857/S0869544X0025348-5

In Memory of the Teacher

© 2023. Irina A. Sedakova, Marina M. Valentsova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ised@mail.ru
mvalent@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the centenary of the birth of the academician Nikita Ilyich Tolstoy (1923–1996), who played an important role in the formation and development of Slavic studies in the USSR and Russia. The authors of the article, who are his students and colleagues, offer two short essays in which they reveal the relevance of the ideas of their teacher and their place in modern Slavic studies.

The first part of the publication lists the main areas of scientific interests of N.I. Tolstoy and talks about the importance of creating a new discipline, Slavic ethnolinguistics. The author focuses on the activities of the scholar in the field of Bulgarian studies, which in the post-war years of the 20th century is experiencing in the USSR and in Bulgaria the “Silver Age”. The scholar's love for the living facts of language and culture is noted, the fundamental provisions developed by N.I. Tolstoy in dialectology and lexicology of the Bulgarian language are exposed.

The second part of the anniversary publication is devoted to areal studies and linguistic geography. The importance of theoretical and practical developments of N.I. Tolstoy, in particular the usage of the isoglosses and isodoxes for the study and analysis of Slavic cultural traditions and their vocabulary; a number of works of the scientist are characterized, demonstrating the fruitfulness of the areal approach to the exploration of the phenomena of traditional culture. Focusing on the works of colleagues who continue N.I. Tolstoy's research direction, the author also offers some of her own observations in the field of lexical, onomastic and mythological parallels between Slavic traditions.

Keywords: Slavic languages, Nikita Ilyich Tolstoy, ethnolinguistics, Bulgarian studies, areal studies, isoglosses, isopragms, archaic regions

Reference for citation: *Sedakova Irina A., Valentsova Marina M.* In Memory of the Teacher // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2023. No. 2. P. 5–18. DOI: 10.31857/S0869544X0025348-5

100-летие со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого побуждает еще раз вернуться к его трудам, чтобы оценить его вклад в науку с позиций современности и проанализировать, что он оставил нам, своим ученикам, и какое развитие получили его идеи. Выдающийся ученый-филолог, Никита Ильич совершил своего рода переворот не только в российской, но и в мировой славистике. Вместе со Светланой Михайловной Толстой он создал Московскую школу этнолингвистики, школу, методология которой не только не устаревает, но становится все более актуальной, охватывая новые тематические территории, а количество ученых, работающих в ее русле, в разных странах с каждым годом растет.

Безусловно, созданием этой школы деятельность Н.И. Толстого не ограничивается. Во всех научных областях, в которых он работал, а перечислить их невозможно (я упомяну лишь ряд лингвистических дисциплин: семантика и семасиология, фразеология, лингвогеография, история литературных языков, диалектология, ономастика), он обозначал новый ракурс, который впоследствии развивался в самостоятельные труды или даже серию трудов. Прекрасно владея славянскими языками и диалектами, хорошо зная народные традиции,

он всегда видел интересные межславянские схождения и параллели, которые до сих пор находятся в центре внимания славистов.

Никита Ильич сделал очень много для (вос)становления и развития славистики в СССР и России, и всегда он включал в академическую жизнь своих учеников и коллег. В частности, он содействовал изданию и переизданию классических трудов лингвистов, фольклористов и этнографов, сопровождая публикации комментариями и предисловиями. Таким образом, была создана целая библиотека, куда вошли классические исследования И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, Д.И. Зеленина, Г.П. Федотова, Н.С. Трубецкого, Б. Унбегауна, П.Г. Богатырева и др. Никита Ильич поддерживал работу и публикации коллег по разным темам — балканистике и типологии (книги Г.А. Цыхуна, А.Д. Дуличенко), по церковнославянскому языку (статьи и книги О.А. Седаковой, А.А. Плетневой, А.Г. Кравецкого) и языку фольклора (книга С.Е. Никитиной, работы А.Т. Хроленко и ученых его школы), по мифологии и демонологии (работы Э.В. Померанцевой) и др. В 1992 г. Н.И. Толстой возобновил издание журнала «Живая старина» (выходившего в Санкт-Петербурге с 1890 по 1916 г.), который до сегодняшнего дня является одним из лучших журналов по этнографии, фольклору и лингвистике в их единстве и в котором авторами выступают его ученики и ученики учеников. Можно сказать, что он вернул интерес к славянским древностям и к филологии не только в сугубо профессиональном, но и в общественном дискурсе.

«Всеславянский» академик, как писали о нем, Никита Ильич объединял ученых, участвовал в самых представительных конгрессах славистов и в небольших региональных симпозиумах, расширяя таким образом круги сотрудничества в семье исследователей-единомышленников. Он давал идеи для научных встреч на темы сугубо лингвистические и более широкие — текстологические, семиотические, этнолингвистические, редактировал материалы конференций и сборники статей и включал своих учеников и коллег в научные сообщества.

Никита Ильич Толстой был Учителем для многих студентов и аспирантов, которые, в свою очередь, уже обучают новые поколения исследователей, опираясь в значительной степени на методику его преподавания и научного руководства, а также на его труды, ставшие хрестоматийными.

О Н.И. Толстом написано очень много. Будучи болгаристом и его ученицей — дипломницей, аспиранткой, а затем и коллегой по МГУ им. М.В. Ломоносова и по Институту славяноведения, я сосредоточусь на его работах по болгаристике.

В 1950 г. Никита Ильич окончил филологический факультет по кафедре славянской филологии. Выбор болгарской группы был отчасти обусловлен тем, что он уже владел сербским (сербскохорватским) языком. Возможно также, что в его выборе сыграли роль православие болгар и близость болгарского к старославянскому. Интерес к старославянскому письменному языку лег в основу его кандидатской диссертации «Краткие и полные прилагательные в старославянском языке», защищенной в МГУ в 1954 г. (научный руководитель С.Б. Бернштейн). Впоследствии Н.И. Толстой не переставал заниматься разными аспектами древнеславянского литературного языка, но болгаристика — во всех ее формах — всегда оставалась в его поле зрения. Он переводил произведения видных писателей — Елина Пелина и Ивана Вазова, публиковал краткие энциклопедические очерки о языке и выдающихся ученых Болгарии

(Б. Цонева, Ст. Младенова, А. Теодорова-Балана), регулярно делал библиографические обзоры по болгаристике и славистике.

В МГУ Н.И. Толстой учился в одной из первых послевоенных групп болгарского языка. Его соученики и коллеги по Институту славяноведения (Е.В. Чешко, Н.В. Котова, И.К. Бунина, Е.И. Демина, Г.К. Венедиктов и др.) начиная с середины 1950-х годов под руководством С.Б. Бернштейна поднимали науку о болгарском языке на невероятную высоту. Кроме теоретических разработок, важной составной частью советской болгаристики, в целях подготовки «Атласа болгарских говоров на территории СССР», «Болгарского диалектологического атласа», а затем и других атласов, были экспедиции. Полевая работа в болгарских селах стала бесценным опытом, который пригодился Н.И. Толстому для последующего комплексного изучения архаической зоны Полесья.

Болгарская лингвистика в послевоенные годы переживала, по выражению исследовательницы Елки Мирчевой, свой серебряный век. Советские и болгарские лингвисты (Л. Андрейчин, К. Мирчев, Ст. Младенов, Ст. Стойков и др.) совместными усилиями развивали диалектологию, лингвогеографию, лексикографию, историю литературного языка и другие научные дисциплины, в которые Н.И. Толстой внес весомый научный вклад. С особым вниманием он относился к деятельности Стефана Романского, сочетавшего лингвистические интересы с интересами к фольклору и этнографии. В частности, Ст. Романский вел семинары и руководил студентами, давая им задание подготовить в качестве дипломной работы этнографическое описание родного села или города. Эти работы писались по определенной схеме, и теперь они составляют богатый архив, который хранится в библиотеке Софийского университета им. Климента Охридского [1]. Н.И. Толстой высоко ценил и использовал в своей работе труды болгарских этнографов и фольклористов Михаила Арnaudова, Петра Динекова, Тодора Ив. Живкова, Стояна Генчева, Христо Вакарельского. Идеи последнего по ареальному исследованию материальной и духовной культуры и по созданию фольклорного атласа болгар [4] были особенно близки Никите Ильичу. Вопросник Хр. Вакарельского по сбору этнографических данных [5] он апробировал в экспедициях в Полесье, использовал его при составлении полесских вопросников и настоятельно рекомендовал его студентам и аспирантам для их работы с информантами. Хр. Вакарельский впервые в болгарской науке высказал столь близкие Н.И. Толстому мысли о параллельном рассмотрении языковых и культурно-исторических границ и о роли языка в этнографическом и фольклорном исследовании. Эти идеи, развитые и значительно дополненные Никитой Ильичом, нашли воплощение в работах его учеников и последователей.

Близкая болгаристике область македонистики также всегда его интересовала. В студенческие годы он писал курсовые и защитил дипломную работу по македонскому языку. Позднее, в годы официального конфликта с болгарской научной средой, когда в 1982 г. болгарская комиссия вышла из рабочего коллектива Общего лингвистического атласа, Н.И. Толстой твердо стоял на позиции признания македонского языка. Он выступил редактором македонско-русского словаря Д. Толовского и В.М. Иллича-Свистыча (1963), публиковал работы по болгарско-македонско-русским лексическим параллелям, по македонскому литературному языку и всегда привлекал македонский этнокультурный и языковой материал в статьях по этнолингвистике.

Как уже упоминалось, в 1950–1960-е годы Н.И. Толстой принимал участие в диалектологических экспедициях в рамках подготовки «Атласа болгарских

говоров на территории СССР» и «Болгарского диалектологического атласа». К своим материалам по юго-восточным говорам, собранным в метрополии и диаспоре, он неоднократно возвращался в трудах по диалектологии, лингвогеографии и семасиологии. Часть его записей из бессарабских сел остается неопубликованной, хотя постепенно наиболее интересные сведения издаются и комментируются (см. [17]).

В обширных статьях и совсем небольших тезисных текстах Никита Ильич оставлял, как бы между прочим, попутные замечания о собственных наблюдениях, обозначая темы для дальнейших исследований. Так, он отмечал, что в ряде родопских говоров отсутствует лексема *стоя*, значения 'стоять' и 'сидеть' соединены в глаголе *сedia*, семантемы 'небо' и 'облако' представлены одной лексемой *облак* [19]. Добавлю, что болгарские словосочетания с глаголами 'сидеть', 'стоять' и 'лежать' значительно отличаются от русских, ср. *Книгата стои на масата* «Книга лежит на столе», *Паспортът седи в чантата* «Паспорт лежит в сумке», *Той лежи в затвора* «Он сидит в тюрьме». Исследуя болгарско-македонско-русские лексические параллели, он отмечал существенную роль словообразовательных совпадений для современных этимологических штудий. Надо сказать, что эти и многие другие темы, затронутые ученым, актуальны и ждут своих исследователей.

Очевидно, что, изучая болгарские говоры в экспедициях и по публикациям (из рассказов коллег мы знаем, как тщательно Никита Ильич искал редчайшие издания в букинистических магазинах СССР, Болгарии и других стран, — эти книги впоследствии он давал своим студентам и аспирантам), он записывал (и мы помним карточки, заполненные его бисерным почерком) не только диалектные особенности, но и местные поверья и обряды. Эти сведения оказались очень важными для развития этнолингвистики как междисциплинарного направления, использующего материалы языка, фольклора и этнографии в целях реконструкции архаической картины мира славян, уже с самых первых опытов в данной области [21].

Язык и культуру болгар, как и других южных славян, он рассматривал не только в общеславянской, но и в балканской перспективе, полагая, что балканизмами следует считать «явления и черты, объединяющие славяно-балканские и романо-балканские языки с другими балканскими языками — новогреческим и албанским, и в то же время отличающие их от остальных славянских и романских языков» [23. С. 123]. Эта мысль неоднократно цитировалась и подтверждалась в докладах и публикациях участников Балканских чтений, одним из основоположников которых он стал, и которые уже в течение тридцати с лишним лет проводятся в Институте славяноведения. Н.И. Толстой настаивал на том, что для описания болгарской традиции необходимо ее детальное сопоставление с другими балканскими, в частности новогреческой. В Болгарии в те годы болгарско-греческие связи и параллели уже изучались (работы М. Филиповой-Байровой, М. Арнаудова и др.), но в нашей стране это направление еще не было освоенным. Теперь такие работы стали возможны благодаря этнолингвистическим исследованиям К.А. Климовой, О.В. Чехи и Е.С. Узеновой в Отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения, а также благодаря трудам коллег из Санкт-Петербурга.

Соединение «балканскости» и «славянскости» в болгарской традиции, ее отличия от сербской культуры особенно привлекали Н.И. Толстого, ср. статью об обряде соления младенца — «Соленый болгарин» — в сборнике, посвященном С.Б. Бернштейну [22]. Этот ритуал, наиболее полно сохранившийся

в славянском мире преимущественно у болгар, но известный и другим культурам (еврейской, армянской и пр.), позднее проанализирован на общеславянском фоне с учетом позднейших полевых записей в статье «Соль» [16].

Болгарские и, шире, южнославянские лингвокультурные материалы легли в основу его работ о балканских мифологических персонажах: «Караконджалы», «Суденицы» и др. Использовал он их и в своих статьях для пятитомной энциклопедии «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» (М., 1995–2012) — беспрецедентного многолетнего проекта, задуманного Никитой Ильичом и начатого под его руководством. Подобные лексикографические труды, но меньшего объема, были подготовлены и изданы уже в XXI в. в Болгарии [2] и Македонии [15].

Своим ученикам Никита Ильич привил любовь к экспедиционной работе, к «эмпирии»; он научил нас видеть ценность каждого языкового, фольклорного и этнографического факта. Материалы этнолингвистических экспедиций и архивные записи полевых исследований по сей день составляют основу многих словарей, монографий и статей по языку и культуре славян. Огромный массив этнокультурных сведений, не востребованный в советские годы, вводился в научный оборот благодаря Н.И. Толстому, и он прокладывал тропинки и дороги для его изучения. Теперь этнолингвисты во многом идут проторенными путями, следуя разработанным схемам и прибегая к проверенным десятилетиями научным методам.

Одной из первых задач этнолингвистического исследования Н.И. Толстой считал «обобщение и упорядочение» знаний; лишь после этого, как он считал, можно делать следующие шаги и заниматься реконструкцией [23. С. 134]. Он полагал, что выяснение генезиса ритуала и поиск субстрата — например, фракийского в обрядовом комплексе «Тодорица» — у балканских славян возможны лишь после составления максимально полной схемы ритуала [23. С. 135]. В наши дни накоплен значительный этнографический материал, который, несмотря на опасения собирателей еще в XIX в., не иссякает. Известные данные фиксируются в не исследованных прежде пунктах и регионах, что позволяет делать сетку ареального распространения явлений духовной культуры и терминологии более плотной; кроме того, обнаруживаются и новые сведения, которые дополняют схему описания реалии, обрядового лица, акта и пр. (см. публикации И.А. Седаковой, Е.С. Узенёвой, О.В. Трефиловой)¹.

Н.И. Толстой предвидел появление целого ряда научных гуманитарных направлений и ответвлений помимо упоминавшейся этнолингвистики. Уже в 1953 г. при обсуждении доклада Е.В. Чешко о падежах и предложных конструкциях в коллективном труде «Основные вопросы грамматики болгарского языка» он описал свою концепцию отсутствия/наличия падежных систем в аналитических языках, считая, что грамматикализация — «одна из центральных проблем, связанных с предлогами» [18]. Вопросы грамматикализации в болгаристике, славистике, балканистике не теряют своей актуальности, ср. современные работы Е.Ю. Ивановой, К. Алексовой, Р. Ницоловой, М. Номати и др.

Когда я училась в аспирантуре, в одном из разговоров Никита Ильич сказал мне, что на своем опыте он понял: изучение небольшой традиции очень ценно само по себе. Понимание системы, пусть и ограниченной в своем объеме, позволит выйти и за пределы данного материала и значительно расширить

¹ См. ежегодно обновляющуюся библиографию «Славянская этнолингвистика»: <https://inslav.ru/slavyanskaya-etnolingvistika-bibliografiya-m-2022>.

исследования. Я много раз убеждалась в правоте этого и других высказываний и советов Учителя, за что я бесконечно ему благодарна.

Светлая память Никите Ильичу Толстому.

И.А. Седакова

* * *

Многие идеи Никиты Ильича Толстого получили дальнейшее развитие в творчестве его соратников, коллег, учеников. Некоторые фразы из его сочинений стали научными афоризмами (например, «развернутая в пространстве диахрония», «нанизывание отдельных форм в обрядовом языке», «диалектология славянской духовной культуры» и др.).

Каждый, кто занимается славянскими языками и традиционной культурой, находит в творчестве Никиты Ильича для себя что-то ценное и каждый раз новое, то, что раньше ускользало от внимания, но что теперь, с накоплением материала и опыта его анализа, «вдруг» становится ясным и очевидным, и еще — очередным доказательством научной интуиции Никиты Ильича и его обширных разносторонних знаний.

Будучи студенткой кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ (специализация — словацкий язык и литература), впервые я увидела Никиту Ильича Толстого на лекциях — по введению в славянское языкознание и по славянскому фольклору, на которых он именно «рассказывал» о предмете, иногда заглядывая в небольшие карточки, чтобы привести конкретные примеры слов и текстов. Со второго курса я начала посещать этнолингвистический семинар Н.И. Толстого, тогда же он представил меня Светлане Михайловне. Надо ли говорить, что все курсовые, дипломную работу, а потом и диссертацию я писала у Никиты Ильича? Именно он позже привел меня в Институт славяноведения и балканистики, постоянно поддерживал и питал — своими идеями, своей внутренней силой, своей любовью к науке. И хотя кандидатскую я защитила уже после его ухода, но, по словам Светланы Михайловны, за пару недель до кончины Никита Ильич успел прочитать весь текст работы и сделать свои замечания.

Естественно, в центре моих научных интересов была этнолингвистическая проблематика словацкой, потом чешской и отчасти польской традиций и языков; именно через призму этих западнославянских культур, которые к тому же частично (а словацкая почти целиком) включены в общекарпатский языковой и культурный ареал, я смотрела на общеславянские явления, тенденции развития и проблемы генезиса.

Под этим углом зрения я воспринимала и научное творчество Никиты Ильича, и особенно одно из главных для него направлений общеславянских исследований — ареалогическое, включающее изучение географии слов и терминов обрядовой и фольклорной традиции, поиск параллелей, установление типологических явлений, выявление изоглосс и изодокс² и др. — всего, что необходимо для исторической реконструкции славянского языка и культуры.

Еще в 1968 г. Никита Ильич писал: «Весьма значительно число изоглосс, идущих от восточно- и западнославянских Карпат на славянский Юг. [...] Часть карпатско-южнославянских изоглосс (изолекс) продолжается на север в Полесье» [20. С. 12–17]. И в другой статье (1977 г., сб. «Ареальные

² Изоглоссы — линии, соединяющие изоморфные явления в языке, изодоксы — линии, соединяющие изоморфные явления в духовной культуре.

исследования в языкознании и этнографии») продолжил эту мысль: «Есть и изолексы, идущие далее на север, и в этих случаях карпатско-южнославянский мост продолжается упомянутым поясом (см., например, случай с **sinь* ‘черный’ и др.) [...] Есть также изоглоссы (изолексы), которые идут из Полесья через Карпаты и затем направляются не резко на юг, в болгарско-македонско-сербскую зону, а продолжают на запад, на словацкую диалектную территорию, а затем еще дальше, иногда в южнославянскую – словенскую, иногда в лужицкую и кашубскую» [25. С. 24–25]. И это первое важное для словакиста и богемиста замечание о направлении изоглосс, а значит, и путей славянских миграций.

Далее в той же статье Никита Ильич приводит список лексем, составленный хорватским этнографом М. Гавацци, «которому принадлежит честь открытия (в 1936 г.) славяно-балканского этноязыкового “латерального” пояса» и который выделил архаическую западнопаннонскую зону. Это лексемы, апеллятивы и топонимы, общие для хорватов-кайкавцев, большинства словенцев, чехов, моравов и словаков. Кроме того, общими для перечисленных народов являются также некоторые обычаи и элементы материальной культуры, антропологические показатели и археологические факты [25. С. 26]. Приводя лишь 15 единиц из списка Гавацци, Н.И. Толстой отмечает: «Между тем добрая часть из упомянутых слов и обычаев бытует и на Карпатах, и в Полесье, и на матушке-Руси»: например, рус. *перелог*, *сметана*, *кичка*, *онучи*, *рубашка*, *сцать*, *дудка*, *вечка*, *Плес*, *Турово* и другие, — что «свидетельствует о соотношении “западнопаннонского” пояса с восточнославянским этноязыковым массивом, о соотношении, еще слабо изученном, но существенном для ряда этногенетических построений» [25. С. 26–27]. Это второе важное положение, открывающее направление для дальнейших исследований славянских языков и культур.

Основываясь на своих многолетних наблюдениях над чакавско-великорусскими лексическими параллелями (их набралось около 250), ни одна из которых «не оказалась чисто чакавско-великорусской или даже чакавско-восточнославянской, почти все они имели еще фиксацию в западнославянских языках или в словенском, болгарском, также в украинском, белорусском», Никита Ильич делает вывод, что значительная часть архаических изоглосс проходит через центральные зоны, через Карпаты, Полесье, Словакию, Мазовию и т.п. [25. С. 28–29]. И это третья важная констатация.

В небольшой заметке не перечислить всех важных положений и идей Н.И. Толстого, которыми он щедро делился с читателями и своими учениками. Многие из них уже давно используются и воспринимаются как научные аксиомы, например такие: «корреспонденции в несмежных зонах, учитывая при этом положение во всей Славии в целом», являются корреспонденциями «в общем более древними»; или утверждение о том, что в вопросах разграничения архаических или неархаических зон «большую роль может сыграть этнолингвистика и просто этнография, особенно факты мифологического и обрядово-сакрального плана» [25. С. 29, 30].

К «архаическим» зонам Никита Ильич относил «отдельные зоны Словении, чакавского приморья, Черногории, Македонии, западной и юго-восточной Болгарии, Родоп, Карпат, Кашубии, Полесья, Псковщины и Новгородчины, русского Севера», но отмечал, «что так называемые архаические зоны оказываются также зонами, где немало заимствований и локальных инноваций». Никита Ильич был прав и в том, что «этими зонами список, однако, не следует ограничивать» [25. С. 29]. Как показали дальнейшие исследования славянских

архаических зон, проводившиеся в Отделе этнолингвистики и фольклора, архаическими по сути также являются и многие другие регионы Славии (в том числе Моравия, Лужица и др.).

Проблема выявления изоглосс и изодокс разного порядка всегда оставалась в поле зрения Н.И. Толстого. Можно упомянуть лишь некоторые его работы, затрагивающие эту тему. Например, в статье «Иван-аист» показано, что название аиста Иваном в фольклорных текстах образует «полесско-волынско-чакавскую (чакавско-словацкую) параллель, которая, надо полагать, может быть более широкой и распространиться также на часть карпатского, польского и словацкого, украинского и румынского и иного неславянского ареала» [24. С. 359].

В статье «Пьян, как земля» показывается «удивительный параллелизм» в ритуалах южных славян, в первую очередь сербов, и славян восточных, прежде всего украинцев и белорусов, мотив осквернения земли, из-за которого «дождь не оплодотворяет-орошает» землю, пока она не будет очищена [24. С. 414].

«Скрытый плач по покойнику (русско-сербская фольклорная параллель)» — статья, в которой приводятся сопоставимые фольклорные материалы из двух традиций, отражающие необходимость в народном сознании оплакивания покойника [24. С. 461–465].

Множество полесско-южнославянских соответствий перечислено в статье «Вызывание дождя» (написанной совместно с С.М. Толстой). Здесь: «а) обливание беременной женщины водой (сербск.); б) толкание людей (священника, пастуха) в воду, в реку (сербск., болгарск., также русск.); в) литье воды через решето (сербск., болгарск.); г) вырывание креста из могилы “нечистого” покойника и бросание его в воду; бросание трупа в воду (сербск., болгарск., также украинско-карпатск., русск.); д) бросание в воду горшков, краденных у гончаров (сербск., болгарск., македонск.)» и т.п., многие из которых авторы ожидали также встретить в карпатской зоне по мере сбора и накопления материала [24. С. 89].

Это ареальное и лингвогеографическое направление исследований Н.И. Толстого было продолжено в работах коллег. Перечислить их все не представляется возможным, назову лишь некоторые. Карпато-полесские связи в области народной демонологии описаны в трех статьях, написанных в соавторстве С.М. Толстой и Л.Н. Виноградовой [8; 9; 10]. Ареальное распределение сюжетов с формулой-оберегом «Твой дом горит!» предложено в статье [6].

Из параллелей несмежных территорий, которые Н.И. Толстой считал наиболее показательными для определения типологии или родства соответствующих традиций, надо назвать лужицко-восточнославянские параллели из области народной демонологии (образ полудницы; цветовую символику летающего змея, мотивированную приносимыми им дарами; некоторые действия ведьмы, связанные с отбиранием молока) [11] и др.

Намеченные Никитой Ильичом подходы и предложенные им в его работах образцы исследований дают возможность продолжить поиск этнолингвистических параллелей в разных направлениях.

Поделюсь некоторыми собственными наблюдениями, пока еще не разработанными, но, как представляется, могущими пополнить список изоглосс, тянувшихся через Карпатский регион в обоих направлениях — на север и на юг, о чем писал Н.И. Толстой.

Наиболее многочисленны, конечно, карпатско-балканские схождения, разнородные по генезису и времени формирования. Это обрядовые и лексические элементы, попавшие на Балканы в VII–VIII вв. вместе с миграцией

славянских племен, и более поздние элементы, принесенные балканскими славянами на север вместе с обратной миграцией — отступлением перед турками в XVI–XVII вв., и совсем новые, появившиеся вместе с переселенцами из восточной и южной Словакии в Воеводину в XVIII–XIX вв.

Среди них такие ритуальные параллели, как обрядовая драка/борьба (бои колядных дружин, наиболее ярко представленные у южных славян, но отмеченные и у чехов в игровой форме — в виде задавания вопросов «старшей» колядной дружиной дружине «младшей»); «игры» с подбрасыванием чучела с письмом, которые у словенцев практиковались во время молотьбы как соревнование между группами молотильщиков в хитрости и сноровке, а у чехов — перед Рождеством как «бесчинства» колядников, направленные на то, чтобы не удалась рождественская выпечка. Аналогичным был и способ защиты от эпидемии путем опахивания села двумя братьями-близнецами на двух черных бычках-близнецах, популярный у сербов [13. С. 228], но отмеченный также на севере Словакии в области Замагурье [26. S. 128]. Отголоски мотива «однодневников», т.е. людей, родившихся в один день (но разных месяцев и годов), популярного на Балканах, находим и в Словакии применительно к другому ритуалу «перехода» — свадьбе: «Если у родственников свадьба в один и тот же день, то у одной пары будет счастливое супружество, а у другой не будет счастливым» (Башковце, окр. Гуменне, в.-словац. — собств. записи 2014 г.).

Параллели, более удаленные друг от друга географически, можно видеть в характеристиках сербского мифологического персонажа *змай*, аналогичных характеристикам западнославянского персонажа *raroh*, *rarach*, *rarog*, который считался то демоном вихря, то летающим змеем, то домашним духом-обогадителем и представлялся также в виде хищной птицы (орла или ястреба). У южных славян (за исключением словенцев) подобного «рарогу» персонажа нет, однако, по некоторым сербским представлениям, «*змај* — это какая-то птица с длинным хвостом, как у змеи, которая летает ночью, или что сам *змай* похож на крылатого огненного змея, но когда идет биться с *алами*, которые предводительствуют градоносными облаками, тогда он как орел или какая-то другая птица; в некоторых песнях *змай* также называется огненной птицей, которая куда ни летит, сжигает траву на земле» [12. С. 131].

Карпато-украинское проклятие *осина би ти (тоби)! бодай ти осина!* («осину б тебе!», «чтобы тебе осину!» — защитная формула при назывании имен мифологических персонажей, чаще всего черта, ср. еще гуцул. *осинавец* «черт») находит параллель в севернорусских формулах проклятий: «нар. *На осину б тебя! Чтوب тебя на осину! Ладило б тебя на осину!*, новг. *Чтоб повесили (кого) на сухой осине!*» [3. С. 141. Сн. 3]. Севернорусские материалы, как мы видим, имеют вариативную семантику, обусловленную евангельским сюжетом об Иуде, который, по народной трактовке, повесился на осине, в то время как карпато-украинские проклятия подразумевают пожелание демонам и упырям быть пронзенными осиновым колом.

Помимо балканизмов этнокультурных отмечены в Словакии и балканизмы лексические, ср. словац. диал. (область Шариш) *ñevalušni* [прил.] «неподходящий»: *Jedľovo drevo ñevalušne na chižu* (Пихтовое дерево не годится на (строительство) дома); *Tote lachi už ñevalušne na šveto* (Эта одежда (тряпье) уже не годится на праздник). Также зафиксировано и наречие *ñevalušno* «негодно» [27. С. 178], что, очевидно, можно сопоставить с серб. *ваљати* «стоять; пригодиться; надобно, должно, надлежит».

Интересны и требуют дополнительного изучения разного рода ономастические изоглоссы: пол. *Kruszwic* — серб. *Крушевац*; пол. *Sopot* — болг. *Сопот*; пол. *Gdynia* — чеш. *Kdyně* (обл. Ходско); чеш. *Kladno* — укр. *Кладнів*; чеш. *Milevsko* — болг. *Милевска планина*; морав. *Лесковец* (ок. Всетина) — серб. *Лесковац*; морав. *Doubravník* — хорв. *Дубровник*; словац. и пол. *Dukla* (перевал и город) — серб. *Duklja* (развалины римского города); словац. *Piešťany* — ю.-з.-макед. *Пештани*; словац. *Prešov* — макед. *Прешево*; укр. карпат. *Мукачево* — с.-рус. (обонез.) *Макачево* — рус. *Мукачëво* (в Республике Башкортостан); укр. *Лубны* — чеш. *Lubné* — словен. *Ljubno ob Savinji*; укр. *Трускавец* — макед. *Трускавец*; укр. *Каме-нец* — в.-луж. *Kamjenc*; бел. *Мозырь* — словен. *Mozirje* и множество других. Часть из них уже привлекала внимание ученых (см., например, [14]), другие только ждут своего исследования.

Помимо топонимии параллели наблюдаются и в области гидронимии. Многие из гидронимов тоже уже изучались — см., например, работы проф. В.Л. Васильева, специалиста по севернорусской гидронимии и ее славянским связям, который писал: «Не менее высок уровень архаических топонимических сходжений Новгородской земли с западнославянским пространством, взятом в широком охвате (Чехия, Словакия со словацкой топонимией Венгрии, Польша, серболужичане, поморско-полабские славяне)» [7. С. 24].

В картину гидронимических соответствий встраиваются такие хорошо известные параллели, как *Morava* (левый приток Дуная) в Моравии и Словакии — *Морава* (правый приток Дуная) в Сербии; *Драва* в Польше (приток р. Нотец, притока Варты) — *Драва* (правый приток Дуная) в Италии, Австрии, Словении, Хорватии и Венгрии и др. К ним можно добавить словацкое название реки *Váh* (левый приток Дуная) в Средней Словакии и созвучное ему *Vaga* (левый приток Северной Двины) в Вологодской области (ср. лит. *vagà* ‘русло, ложе, борозда’).

Показательно и совпадение в балкано-карпатском ареале оронимов, например: гуцул. *Чорногора* (Карпатский хребет) — серб. *Црна гора*; гуцул. *Косово* (часть Черногоры) — серб. *Косово*.

Подобные наблюдения, инициированные и структурированные научной мыслью Никиты Ильича Толстого, накапливаясь в работах разных исследователей, собираются в полноценные статьи и монографии, и все вместе служат продолжению дела, начатого Никитой Ильичом, — реконструкции традиционной славянской культуры, языка и этнической истории славян.

М.М. Валенцова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ангелова А. Ръкописната етнографска сбирка от Библиотеката на Софийския университет «Климент Охридски». София: ЛИК, 2004. 150 с.
2. Барболова З., Симеонова М., Китанова М., Мутафчиева Н., Лезурска П. Речник на народната духовна култура на българите. София: Академично изд-во «Професор Марин Дринов», 2018. 504 с.
3. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики народных говоров) // Труды ИРЯ. XII. Диалектология. М., 2017. С. 137–158.
4. Вакарелски Хр. Проект за български фолклорен атлас // Сборник Ан. Иширков. Известия на българско географско дружество. София, 1931. Т. I. С. 127–138.
5. Вакарелски Хр. Въпросник-упътване за събиране на етнографски материали. София, б.и., 1946. 164 с.

6. *Валенцова М.М.* Об одном архаическом мотиве: «Твои горы (дом, дети) горят!» // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 57–60.
7. *Васильев В.Л.* О проблеме раннеславянского заселения русского Северо-Запада (по материалам ономастики и диалектной лексики) // Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры». В чтении памяти академика О.Н. Трубачева. Алушка. 25–30 сентября 2008 года. Киев; М., 2008. С. 22–27.
8. *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Полесско-карпатские параллели в области мифологических представлений и фольклорных мотивов // Славяноведение. 2018. № 6. С. 16–26.
9. *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Полесско-карпатские параллели в области мифологических представлений и фольклорных мотивов. 2. Способы распознавания нечистой силы // Славяноведение. 2019. № 6. С. 3–14.
10. *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Полесско-карпатские параллели в области мифологических представлений и фольклорных мотивов. 3. Предметные, акциональные и вербальные обереги // Славяноведение. 2020. № 6. С. 3–14.
11. *Гура А.В.* Лужицко-восточнославянские параллели из области народной демонологии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 72–93.
12. *Јанковић Н.* Астрономија у предањима, обичајима и умотворинами срба. Београд: Српски етнографски зборник, LXIII; Друго одељење: Живот и обичаји народни, 28. 1951.
13. *Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. 328 с. [2-го допуњено издање: Београд, 1998].
14. *Лома А.* Једна српско-украјинска топономастичка паралела – *Семегњево: Семигинів* // Наш језик. 2001, 34, 1–2. С. 244–251.
15. *Макаријоска Ј.* Речник на македонската традиционална култура. Скопје, 2016.
16. *Пьянкова К.В., Седакова И.А.* Соль // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2012. Т. 5. С. 113–119.
17. *Толстая С.М.* Болгарская сказка в записи Н.И. Толстого // Живая старина. 2020. № 3. С. 19–20.
18. *Толстой Н.И.* [Падежи: Выступление на дискуссии по проспекту «Основные вопросы болгарской грамматики»] // Краткие сообщения Ин-та славяноведения. М., 1953. Вып. 10. С. 49–52.
19. *Толстой Н.И.* Из географии славянских слов: 1. ‘Дождь’, 2. ‘Саламандра’ // Вопросы славянского языкознания. М., 1962. Вып. 6. С. 140–155.
20. *Толстой Н.И.* Об изучении полесской лексики // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968. С. 3–19.
21. *Толстой Н.И.* Из географии славянских слов: 8. ‘Радуга’ // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976. С. 22–76.
22. *Толстой Н.И.* «Соленый болгарин» // *Studia slavica*. Языкознание. Литературоведение. История. История науки. (С.Б. Бернштейну к 80-летию). М., 1991. С. 100–108.
23. *Толстой Н.И.* Балканославянские обряды: структура и география // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 123–148.
24. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
25. *Толстой Н.И.* О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // *Н.И. Толстой. Избранные труды*. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки славянских культур, 1999. С. 10–30.
26. *Blagoeva-Neumanová T.* Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a v koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózná práca (Univerzita Komenského). Bratislava, 1976. 119 pp.
27. *Buffa F.* Slovník šarišských nářečí. Prešov: Náuka, 2004. 175 pp.

REFERENCES

- Angelova A. *Rükopisnata etnografska sbirka ot Bibliotekata na Sofiiskii universitet «Kliment Ohridski»*. Sofia, LIK Publ., 2004, 150 pp. (In Bulg.)
- Barbolova Z., Simeonova M., Kitanova M., Mutafchieva N., Legurska P. *Rechnik na narodnata duhovna kultura na búlgaríte*. Sofia, Akademichno izd-vo «Prof. Marin Drinov» Publ., 2018, 504 pp. (In Bulg.)

- Berezovich Je.L., Surikova O.D. Prostranstvennyje i vremennyye markery v tekstakh russkikh proklatii (na materiale leksiki narodnykh govorov). *Trudy IRIA. XII. Dialektologija*. Moscow, 2017, pp. 137–158. (In Russ.)
- Blagoeva-Neumanová T. *Ludová démonológia na Zamagurí v kontexte a v koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných Slovanov*. Rigorózná práca (Univerzita Komenského). Bratislava, 1976, 119 p. (In Slovak)
- Buffa F. *Slovník šarišských nářečí*. Prešov, Nauka Publ, 2004, 175 p. (In Slovak)
- Gura A.V. Luzhitsko-vostochnoslavianskije paralleli iz oblasti narodnoi demonologii. *Slavianskii mir v tret'jem tysiacheletii*. 2022, t. 17, no. 1–2, pp. 72–93. (In Russ.)
- Janković N. *Astronomija u predanjima, običajima i umotvorinama srba*. Beograd, Srpska akademija nauka Publ., 1951. (In Serb.)
- Kuliših Š., Petrovih P.Ž., Panteliš N. *Srpski mitološki rečnik*. Beograd, Neolit Publ., 1970, 328 p. (In Serb.)
- Loma A. Jedna srpsko-ukrajinska toponomastička paralela – Semegnjevo: Semiginiv. *Naš jezik*. 2001, 34, 1–2, pp. 244–251. (In Serb.)
- Makarijoska L. *Rečnik na makedonskata tradicionalna kultura*. Skopje, 2016, 562 p. (In Maced.)
- P'iankova K.V., Sedakova I.A. Sol'. *Slavianskije drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'*. Moscow, 2012, t. 5, pp. 113–119. (In Russ.)
- Tolstaya S.M. Bolgarskaia skazka v zapisi N.I. Tolstogo. *Zhivaia starina*. 2020, no. 3, pp. 19–20. (In Russ.)
- Tolstoy N.I. [Padezhi: Vystuplenije na diskussii po prospektu «Osnovnyje voprosy bolgarskoj grammatiki»]. *Kratkije soobshcheniia In-ta slavianovedeniia*. Moscow, 1953, vyp. 10, pp. 49–52. (In Russ.)
- Tolstoy N.I. Iz geografii slavianskikh slov: 1. 'dozhd', 2. 'salamandra'. *Voprosy slavianskogo iazykoznaniiia*. Moscow, 1962, vyp. 6, pp. 140–155. (In Russ.)
- Tolstoy N.I. Ob izuchenii poleskoi leksiki. *Leksika Poles'ia. Materialy dlia polesskogo dialektного slovaria*. Moscow, 1968, pp. 3–19. (In Russ.)
- Tolstoy N.I. Iz geografii slavianskikh slov: 8. 'raduga'. *Obshcheslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia*. 1974. Moscow, 1976, pp. 22–76. (In Russ.)
- Tolstoy N.I. «Solenyi bolgarin». *Studia slavica. Iazykoznanije. Literaturovedenije. Istoriiia. Istoriiia nauki. (S.B. Bernshteinu k 80-letiiu)*. Moscow, 1991, pp. 100–108. (In Russ.)
- Tolstoy N.I. Balkanoslavianskije obriady: struktura i geografiia. *Tolstoi N.I. Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow, Indrik Publ., 1995, pp. 123–148. (In Russ.)
- Tolstoy N.I. *Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow, Indrik Publ., 1995, 512 p. (In Russ.)
- Tolstoy N.I. O sootnoshenii tsentral'nogo i marginal'nogo arealov v sovremennoi Slavii. *N.I. Tolstoy. Izbrannyye trudy. Tom III. Ocherki po slavianskomu iazykoznaniiu*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 1999, pp. 10–30. (In Russ.)
- Vakarelski Hr. Proekt za bŭlgarski folkloren atlas. *Sbornik An. Ishirkov. Izvestiia na bŭlgarsko geografsko druzhestvo*. Sofiia, 1931, t. I, pp. 127–138. (In Bulg.)
- Vakarelski Hr. *Vŭsprosnik-upŭtvane za sŭbirane na etnografski materialii*. Sofiia, 1946, 164 p. (In Bulg.)
- Valentsova M.M. Ob odnom arkhaischeskom motive: «Tvoi gory (dom, deti) goriat!» *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologija: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. Jekaterinburg, 9–13 sentiabria 2019 g. Jekaterinburg*, 2019, pp. 57–60. (In Russ.)
- Vasil'jev V.L. O probleme ranneslavianskogo zaseleniia russkogo Severo-Zapada (po materialam onomastiki i dialektnoi leksiki). *Mezhdunarodnaia konferentsiia «Severnoje Prichernomor'je: k istokam slavianskoi kul'tury»*. V chteniiia pamiati akademika O.N. Trubacheva. *Alupka. 25–30 sentiabria 2008 g.* Kijev; Moscow, 2008, pp. 22–27). (In Russ.)
- Vinogradova L.N., Tolstaya S.M. Polessko-karpatskije paralleli v oblasti mifologicheskikh predstavlenii i fol'klornykh motivov. *Slavianovedenije*, 2018, no. 6, pp. 16–26. (In Russ.)
- Vinogradova L.N., Tolstaya S.M. Polessko-karpatskije paralleli v oblasti mifologicheskikh predstavlenii i fol'klornykh motivov. 2. Sposoby raspoznaniiia nechistoi sily. *Slavianovedenije*, 2019, no. 6, pp. 3–14. (In Russ.)
- Vinogradova L.N., Tolstaya S.M. Polessko-karpatskije paralleli v oblasti mifologicheskikh predstavlenii i fol'klornykh motivov. 3. Predmetnyje, aktsional'nyje i verbal'nyje oberegi. *Slavianovedenije*, 2020, no. 6, pp. 3–14. (In Russ.)

Информация об авторах:

Седакова Ирина Александровна,
доктор филологических наук,
зав. Отделом Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-9252-5407
E-mail: ised@mail.ru

Валенцова Марина Михайловна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института
славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-6541-4269
E-mail: mvalent@mail.ru

Information about the author:

Sedakova Irina A.,
DSc. (Philology),
Head of the Department,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-9252-5407
E-mail: ised@mail.ru

Valentsova Marina M.,
Ph D. (Philology), Senior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-6541-4269
E-mail: mvalent@mail.ru